

Яна Ветрова

Варварин Свет

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В39

Иллюстрация на переплете *odemi.art*

Иллюстрация на форзаце *Лёша!*

Леттеринг *Вика Лукьянова*

Во внутреннем оформлении

и логотипе серии использованы иллюстрации:

© El_Dorado, Far700, olhatszrv, olhatszrv, Natalia Saudi /
Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Ветрова, Яна.

В39 Варварин свет / Яна Ветрова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216109-4

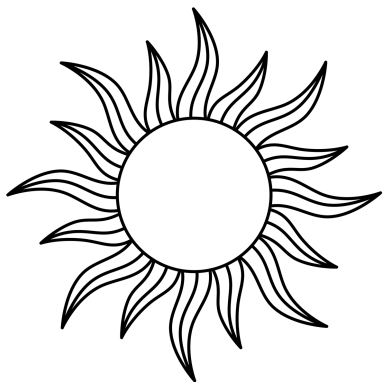
В некотором царстве, где царевичи волком воют, а царевны колдовству обучены, Варвара стала одной из сестер-ведьм, охраняющих царство мертвых от незваных гостей. Только надоело ей сиднем сидеть между реками с кисельными берегами — Кощей не так страшен, как описывают, былинные богатыри перевелись, заклинания не даются...

И тут как тут проблемы! Придется спасать и царевича, и Кощя — и полцарства в придачу!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Яна Ветрова, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216109-4

Пролог

— Никитка, вот ты где! Насилу нашёл. Никита вздохнул — не получилось уединиться. Думал, что плакучая ива надёжно защищает от посторонних глаз. Да и место такое, на бывшей границе двух земель, помнит горе это место — мало кто тут просто так ходит. А отец, значит, людей следить приставил.

— Да, ваше величество... Зачем искали? — обречённо спросил Никита.

— Да будет тебе! Нет никого, давай по-семейному! — проговорил Михей Никитич, усаживаясь рядом на берег речушки.

Посмотрит кто — сидит мужик в летах. Одет совсем не по-царски, в простую рубаху и коричневые штаны против обыкновенных пышных красно-белых одежд. Русую бороду с проседью как будто специально растрепал, соломенную

шляпу по самые брови нацепил, только забранные в хвост белоснежные волосы выглядят — ни дать ни взять крестьянин. Михей Никитич любил повторять, что скромнее быть надо. Никита, впрочем, знал, что даже под домашней одеждой у отца всегда кольчужка из болотного серебра, а где-то недалеко притаилась охрана с самострельными луками.

Поплавок задёргался, и царь закричал:

— Ну-ну! Упустишь же!

Никита подался вперёд, потянул за нить слишком резко, и рыба сорвалась, напоследок плеснув по воде алым хвостом. Царь Михей разочарованно махнул рукой и передвинул удочку поближе к себе.

— Вот скажи, Никитка, тебе годочков-то сколько?

«А то тебе неведомо!» — раздражённо подумал Никита, понимая, к чему отец ведёт, а вслух сказал:

— Восемнадцать на днях исполнилось, батюшка.

— И что, скажи, у тебя в твои восемнадцать есть, а, Никитка?

Юноша промолчал, зная, что за этим последует, — разговор который раз шёл по одной и той же узкой тропке среди острых скал.

— Молчишь, — покивал царь. — И правильно. Нет у тебя ничего. Святозар в твоём возрасте уже старика внуком порадовал!

Никита это прекрасно знал: песни слагали о любви Святозара Михеевича и Ульяны Тихомировны, дочери соседнего царька, с которым не

только войны удалось избежать, а ещё и землями разжиться получилось — не было больше у Ульяны ни братьев, ни сестёр, всё ей в наследство пошло. С тех пор царь Тихомир в местных байках и песенках перестал изображаться злокозненным крысоликим существом и превратился в дородного и щедрого красавца-мужчину. Даже о его договоре с Кощеем как-то подзабыли. Впрочем, чья бы корова мычала...

— А Третьян, Никитка? Третьяшик из-за тебя жениться не может, не положено младшенькому раньше среднего жену брать. Милка уже на других женихов заглядывается! Говорят, как гулять идёт, в косу ленточку едва заметную вплетает — намекает, понимаешь, соседям, что замужество под вопросом. Я бы уже и сам передумал, да у Третьяшика душа к ней лежит. Он уже извёлся весь! Я ему говорю — погоди, никуда твоя Милорада не денется, это она тебя по-женски терзает! А он уже который день в комнате запершись сидит, песни заунывные сочиняет. Все прислужницы подхватили, поют, вой во дворце стоит невыносимый. До чего дошло — шепчутся, что царевич топиться со дня на день пойдёт! Ты-то днюешь и ночуешь в своём шалаше, ничего не знаешь. Мать лицом побледнела, от еды отказывается. Выходит, Никита Михеич, нечего делать — надо жениться!

— Да я бы рад, батюшка, — покривил душой Никита, — но невесты подходящей нет!

— Как нет! — воскликнул царь. — А Светислава, дочь купеческая! А Цветана, что с южных

озёр! Обе счастливы будут, если ты на них хоть посмотришь! Людмила Степановна, казначеева дочь, тоже в возраст вошла, если тебе кто попроще по нраву... Я сватов хоть сегодня пошлю!

Никита сморщился, поплескал босой ногой в речке, мальков распугал.

— Опять тебе в лесу лесу мало, как я погляжу! — разозлился царь. — Судьба брата безразлична, на здоровье матери с высокого дуба плевал, доброе имя отца запачкать решил! Гордыня из тебя так и прёт!

— Да нет же, батюшка! Была бы по мне невеста, я бы сразу...

— Запряг прямо, а поехал криво... Всё, надоело! Сколько тебя уговаривать! — Царь Михай вскочил на ноги, затрепетали ивовые листочки. — Даю тебе трижды по дюжине дней. Не женишься — не сын ты мне боле! Хоть из-под земли невесту доставай! Хоть в царстве Кощеевом ищи! Там, говорят, девиц свободных вдоволь!

Никита в смятении тоже поднялся на ноги.

— Царь-батюшка, да как же так!

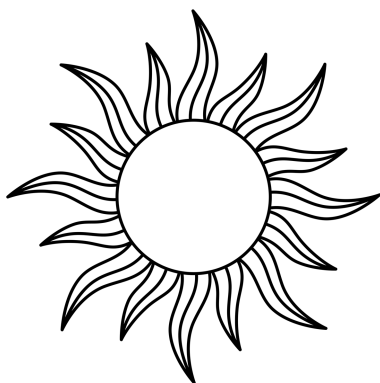
— Всему бывает перемена, — сказал царь Михай. — Царским сыном быть — это не только карасей ловить да штаны просиживать.

Никита опустил голову. Вдруг и любимые птичьи песни показались издёвкой, и ручей как будто насмеялся над средним сыном.

— Пойми, сынок, — смягчился царь и погладил юношу по светлым вихрам, — у меня на всех вас надежды были. Святозар, старшенький, должен был великим воеводой стать, да раньше

женился. И воевать теперь не с кем... Ну хоть так царство укрепил! Внуки, опять же, нам с царицей на радость. На Третьяшу хотел хозяйские дела оставить, а он весь в мать, трепещет что осино-
вый лист, чувства у него, понимаешь! Ну а ты-то! Вроде всё в порядке — рослый, сильный, на лицо не урод! Конечно, в лесу пропадаешь немере-
но, поговаривают, с белками да синицами лучше, чем с людьми, ладишь, но оно-то и ладно... Глав-
ное, в бою любого победишь! Но, не обижайся, видом орёл, а умом тетерев! Пора и о семье поду-
мать. Слова свои я назад не заберу — не приве-
дёшь невесту в срок, так вообще не возвращайся.

Никита помыкался ещё у речки, удочку по-
переставлял, но покой испарился как не бывало. Невидимый глазу с такого расстояния, царский дворец давил, требовал вернуться.

ГЛАВА 1

Утром пришла матушка. Она стояла в проходе, сложив руки на груди и гневно сверкая синими глазами. Никита изредка оборачивался от мешка, в который наугад кидал вещи, и такими же синими глазами сверкал в ответ, правда, получалось слегка виновато.

В мужскую часть дворца женщины не ходили, но Искре Святозаровне законы были не писаны. Даже платье она носила неправильное — с коротким подолом чуть ниже колен, с узкими штанами и широким вышитым красно-синим поясом. Волосы хоть и убирала под платок, но из-под него на глаза падала светлая с седыми прядками чёлка. Местные такого никогда не видали, разговоров было, когда Искра только вышла замуж за царя! Но уже спустя пару месяцев девицы одна за другой стали чёлку отрезать, чтобы быть похожей на молодую царицу.

Поговаривали, что, когда юную северную княжну привезли во дворец, мать царя Михея да её подружки-боярыни вздумали девушку примирить, да не тут-то было. Искра что-то нашептала молодому мужу, и тётки мигом отправились доживать свои деньки в глухой деревне на краю леса. Свекровь осталась. Долго ещё женщины мерились характерами, а потом внезапно подружились, обнаружив, что, несмотря на отличия, одинаково сильно любят две вещи: песни и царя Михея.

Когда родились сыновья, оказалось, что в сердце Искры Святозаровны любви больше, чем звёзд на небе, и царице часто было сложно решить, кто прав, а кто виноват. Поэтому она поровну отвешивала всем не менее сильного, чем её горячая любовь, ледяного северного гнева. Царь Михей на такое говорил: «Снега много выпадает, да скоро тает».

Никита знал, что отцу уже досталось — вчера царицыны гневные крики только глухой не услышал, а кто глухой, тот почувствовал, как сотрясаются брусья деревянного дворца. Впрочем, об упрямстве царя Михея слагали легенды далеко за пределами царства, так что Искра, побеждённая на одном поле боя, перешла на другое. Здесь она тоже потерпела поражение, ведь Никита не проронил ни слова, даже не поприветствовал любимую матушку — отчасти от страха, отчасти по хитрости: знал, что ей надо за что-то зацепиться, чтобы начать метать молнии.

Поэтому спустя полчаса гляделок Искра плюнула угасающим угольком:

— Как дитя малое, честное слово!

На том развернулась и ушла к себе, как можно громче топая каблуками.

Все уже знали, что Никита собрался в Кощеево царство. Он по глупости первым делом, как с рыбалки вернулся, пошёл к Святозару. Когда-то Святозар с Михеем у Кощея оружие выторговывали, а Святозар вроде бы и воинскому делу обучался. Об этом молчали — после случая с Тихомировой младшей дочкой о таких договорах болтать стало зазорно, поэтому Никита только догадывался, что Святозар не на южные озёра учиться ездил. Очень уж диковинные приёмы он Никите и Третьяну показывал. А потом вообще со старшей тихомировской дочкой, Ульяной, сошёлся, и порос его военный путь быльём. Правда, царь Михей и тому был рад — ведь завоёвывать предполагалось как раз таки земли соседа, царя Тихомира.

В большом зале за длинным столом сидели друг напротив друга Никитины братья. Старший, Святозар, поглаживал аккуратную бороду и изучал доску, на которой были расставлены чёрные и белые агатовые шарики со спиленным основанием. Младший, Третьян, наблюдал и прятал за кружкой с пивом довольную усмешку.

Братья были похожи — все трое светловолосые, синеглазые. Только Святозар крепкий, с волосами по плечи и аккуратно подстриженной густой бородой, Третьян — худой, в мать, волосы тонкие, но зато до пояса, перехваченные на лбу красно-синей лентой, вышитой самой Искрой Святозаровной. А Никита был чем-то средним,

как, впрочем, среднему сыну и положено. Иногда стремился походить на старшего брата, отстригал волосы, а они быстро отрастали и лежали крупными кудрями. Борода пока не росла. Иногда хотел длинные волосы, чтобы как у младшего, — но они лезли в лицо, летали по ветру, и он снова отрезал их.

Никита хотел поговорить со старшим братом наедине, но тот отмахнулся и, подняв белый шарик, переставил его по доске от себя:

— Как тебе такое, Трешик?

— Ха! — воскликнул младший, занёс руку, но застыл, задумавшись.

— Ну? — обратился Святозар к Никите.

— Как до Кощея добраться? — выпалил тот.

Третьян выронил чёрный шарик. Тот с грохотом упал и покатился по полу.

— Зачем? — поднял брови старший, а потом, опомнившись, заявил: — Нам почём знать, да, Трешик?

— И правда, Никита, зачем? — проигнорировал вопрос младший.

Никита сел на свободный стул и всё объяснил. К концу рассказа Третьян уже давился от смеха, а Святозар поглаживал бороду.

— К Кощею, Никитка, не ходят, — наставительно сказал он. — Его зовут и ждут.

— Ты же ходил! — в отчаянии воскликнул Никита.

Третьян не выдержал и расхохотался вслух.

— Братишка, — сказал ему старший. — Ты шарик поищи, а я Никиту на воздух выведу. У не-

го ум за разум зашёл, видать, давно со своими белками не любезничал.

Никита не сопротивлялся, когда Святозар потащил его за локоть по коридорам и вывел на задворки. Там Святозар наклонился к самому уху Никиты и прошептал:

— Первое: докажи. Второе: многословие — не мудрость. Третье: я не ходил. Отец позвал Кощея, и тот сам решил меня на время забрать. А какую цену мы за обучение заплатили — сам догадайся. На свадьбу с миру по нитке собрали. Если бы Ульяна своего отца не уговорила, позор был бы, а не пир.

— Как я его позову? — прошептал в ответ Никита. — Я же у него невесту требовать собрался. Он точно не придёт.

— Дурак ты, — громко сказал Святозар, отстраняясь. — Я иногда диву даюсь: ты словно младший, а не средний. Заканчивай со своей дурью, взрослей и женись — хоть на Людке.

— Я не хочу...

— А тебя никто не спрашивает, чего ты хочешь — не маленький, — резко ответил старший. — Сам и так и так маяться будешь, а сейчас из-за тебя семья страдает. Третьян-то в чём виноват?

— Я подумаю, — буркнул Никита.

— Воду в ступе толочь — вода и будет, — огрызнулся Святозар и ушёл доигрывать.

Никита и правда собирался подумать. Ушёл в сад и там рисовал палочкой на земле женские лица — чью-то внешность знал, а кого и выдумывал.

А когда вечером голод заставил его вернуться во дворец, оказалось, что Трешик всем разболтал новую шутку: Никита отправляется сразиться с Кощеем и отобрать у него самую красивую невесту.

Материнские черты братья разделили поровну, а вот отцовское упрямство почти всё досталось одному Никите. Впрочем, рассудительности у него тоже оказалось некоторое количество, поэтому он решил, что утро вечера мудренее, и лёг спать. Утром он поразмыслил, что можно ещё пару дней погулять на природе, порыбачить в тишине, а потом уже определиться. Но тут пришла служанка, принесла горячую воду для умывания и всё безуспешно пыталась скрыть улыбку. Тогда упрямство победило.

Никита начал собирать мешок, толком и не зная, что туда класть — потому что понятия не имел, куда именно идти. За этим делом его и застала мать. После взаимного прожигания глазами деваться стало некуда — будь Искра Святозаровна мягче, может, села бы рядом с сыном да и уболтала бы жениться. А теперь дороги назад не было. Раз родная мать считает, что средний сын полон непоколебимой решимости — значит, придётся её демонстрировать.

Видимо, с досадой думал Никита, зачем-то взвешивая в руках две рубашки — с вышивкой и без, придётся решительно выйти из дворца с мешком, полным барахла, и решительно направиться куда глаза глядят. Может, сразу позвать Кощея — надо было всё-таки уточнить, как это делается. Кощей, если и появится, посмеётся над